Эта ужасающая пытка наконец закончилась. Прекратилось тошнотворное, обжигающее, выворачивающее наизнанку ощущение, и я нашел в себе силы снова открыть глаза. Стены больницы. Резкое, словно сквозь силу, пробуждение, сопровождал крик, эхом отразившийся от этих стен.

Дрожа, я поспешно потянулся к своему лицу. Я чувствовал странное покалывание, чувствовал швы, стягивавшие лицо, казалось, саднило каждый стежок. Страшно было взглянуть на себя в зеркало. Страшно даже представить, насколько уродливым я стал теперь? Черт, нужно переключиться на что-то другое, иначе такими темпами здравый рассудок точно не сохранить…

Скрип двери, разрезавший тишину, словно ржавыми ножницами, заставил приподнять голову и взглянуть на переступившего порог человека. Женщина-врач в белом халате.

— О, очнулся, наконец! Осознаешь, где ты? — участливо обратилась она ко мне.

— Больница, — ответил я скорее на автомате, все еще слишком медленно.

— Отлично, значит, в себя пришел, — довольно отозвалась женщина.

— Все, что ты умудрился порезать, подлатали, — она озабоченно покачала головой. — Твоё тело, столько шрамов…

— Порезать?

— О, ты не помнишь? Ты и людей, находившихся поблизости, чуть не зацепил.

— О чем речь, что Вам нужно от меня?

— Видишь ли, я психиатр, — спокойно пояснила женщина. — Именно я обязана была навестить тебя, как только ты очнешься. И, если ты продолжишь перечить, мне придется забрать тебя в соответствующее заведение.

Внутри все похолодело. Я мог вообразить, что же произошло. Вероятнее всего, женщина-доктор оказалась здесь по вызову компании JC. А как иначе, ну ненормально это, когда первым навестившим человека, едва пришедшего в сознание, оказывается именно психиатр. Если не принять это к сведению здесь и сейчас и воспринять все в штыки, дорога мне точно осталась бы одна – дурдом. Приплели бы и людей, что остались, и свидетелей, и неважно, что их не было, появились бы. Таким образом уже обходились с людьми не раз.

— Чтоб вас черти взяли. Можете уходить. Я понял, — произношу, с возрастающей к концу фразы степенью официальности.

— Да? — озадаченно переспросила женщина.

— Я не собираюсь заявлять в полицию или еще какую глупость выкинуть. Уходите, — мой голос звенел от напряжения.

Женщина усмехнулась:

— Умный, как студент университета Сейон. К слову, твоя младшая сестра в этой же больнице. Сходил бы, навестил ее да объяснил бы всё как следует… То, что произошло с ней — просто несчастный случай.

Довольная тем, что ей удалось меня убедить, женщина скрылась за дверью. Я прикрыл глаза, припоминая ее лицо… Нет, его невозможно было забыть. С него все началось, именно его я видел перед тем… как потерять все.

— Тварь… — я бессильно сжал кулаки, слезы потекли по щекам, обжигая раны.

Скрежетнув зубами, я сжал их, чтобы не вскрикнуть.

— Дахе, прости… — голос сорвался.

Я не мог навестить сестру. С моим-то обезображенным лицом… Как я мог показаться перед ней?

Но пару дней спустя я услышал то, что поистине шокировало меня. Младшая сестра… Она получила травму головы, и её тело ниже талии парализовало. Доктора разводили руками – современная медицина не могла полностью её вылечить.

— Ну сделайте же, хоть что-нибудь! Я заплачу, сколько потребуется, я всю оставшуюся жизнь буду в долгу перед вами!

Но доктора были непреклонны.

— Мы бы тоже хотели, но тут ничего нельзя сделать. Ничего.

Отчаяние поглотило меня, словно стало моим вторым именем. Отчаяние…

Той ночью я все же решился навестить сестру. В палате было темно.

— Кто здесь? Брат?

Я не ответил. Подошел к кровати, не говоря ни слова. Знал, что даже при выключенном свете Дахе разглядит очертания моих шрамов.

— Братик? Брат? — ее слова прерывались отчаянными, отрывистыми всхлипываниями.

Мои пальцы сжали ее тонкую шейку, и она судорожно пыталась схватить ртом воздух. Мы умрём вместе этой ночью. Этот отвратительный мир, незачем больше жить в нем, нет больше смысла… Я обезображен, Дахе не сможет ходить всю оставшуюся жизнь. Я решил, что умереть здесь… будет лучшим исходом для нас. Когда я думал, что потерял все… Я все еще был красив, а сестренка могла стоять на ногах. Я мог быть с ней, зарабатывать на обучение, а сейчас, что

сейчас? Ни денег, ни… Нам никак не выжить.

— Б-брат… спаси... бо… — Дахе улыбнулась, несмотря на то, что мои пальцы сдавливали ее шею.

В уголке ее глаза выступила слеза. Тяжелые, хриплые вздохи… Я отпустил ее и отступил, не смог лишить жизни её слабое тельце. Руки дрожали. Моя отрава, мой гнев. Разве я недостаточно страдал? Разве отчаяние не стало моим вторым именем?

— Брат, прости… это из-за меня…

Я вздрогнул.

— Ты говоришь так… Ты знаешь, что стало всему причиной?

— Братик, ты не плохой. Я не знаю всего… но я в порядке. Давай будем жить. Я постараюсь. Давай вместе постараемся, чтобы родители могли нами гордиться…

Я сел на пол, прислонившись спиной к кровати, и запрокинул голову, уставившись в тускло отражающий свет потолок. Я никогда ещё столько не плакал.

***

После случившегося я взял академический отпуск. Я просто не мог дальше учиться. Мою любовь я мог теперь называть не иначе, как «сука». Если мы снова встретимся, мне придётся пожертвовать жизнью. Но не сейчас.

— Я должен жить, ради сестры, она не может ходить из-за меня.

Я работал. Работал много, особо не брезгуя и не выбирая. Мне не хотелось выходить из дома из-за изуродованного лица, но я делал это ради сестры. Дахе – это все, что у меня осталось, ради чего я жил. Ради неё я мог вынести любые взгляды на своём лице…

— Брат, давай на заработанные деньги вылечим твое лицо? — каждый раз беспокоилась она.

И каждый раз я улыбался и качал головой:

— Нет. С этим можно и потом разобраться. Давай сначала тебя на ноги поставим.

К тому же, на пластику понадобилось бы куда больше, чем те копейки, которые я получал. И, если уж быть совсем честным, я сомневался, что это вообще подлежит исправлению. Лицо покрывали десятки рубцов, от которых со временем оставались шрамы. Неважно, насколько хороши сейчас медицинские технологии, даже они не справились бы с ранами, нанесенными ножом.

Хотя.

Может шрамов могло и не быть, просто об этом не позаботились. Ведь я оказался в больнице, спонсируемой компанией JC.

«Терпи, терпи, черт возьми», — неустанно твердил я себе.

Мне хотелось убить их дюжину раз на дню. Если я видел нож или просто какой-нибудь острый предмет, руки сами тянулись к нему. Сложно поверить, но в детстве меня называли умничкой и пророчили светлое будущее. И вот он я теперь.

Их лица отпечатались у меня в памяти. Я не мог их забыть, и это мучило меня. Мучило сильнее, чем отвращение во взглядах прохожих, пялившихся на моё изуродованное лицо. Я с трудом удерживал себя от отчаянного импульса пойти и покромсать их на кусочки.

***

Сколько месяцев уже прошло с тех событий?

День за днем я переступал через себя, пытался не думать о плохом. Моя внешность сильно изменилась, лицо загорело и хорошо вписывалось в атмосферу строительной площадки. Зарубцевавшиеся шрамы намного лучше смотрелись на закопчённом лице.

— Начальник, извините, но денег здесь не хватает.

— Что? Быть не может.

— Ну вот, смотрите…

— Эй! Какого черта? Я всё правильно дал! Паршивец, сказал бы спасибо, что вообще тебя нанял. Так дело не пойдет. Завтра можешь не приходить, — раскричался бригадир чуть не до хрипоты в голосе.

— Но начальник…

— Нет для тебя работы. Давай, иди.

На стройке людей не хватало. Работа была тяжелой, но я трудился в поте лица, потому что обещали хорошо заплатить. А все снова обернулось вот так.

— Эй, на что уставился? Смотрите-ка, какую страшную рожу скорчил. Что, хочешь меня убить?

Мой взгляд был обращен не на бригадира, а на лопату возле него. Кто же знал, что моё терпение вот так возьмёт и лопнет.

Мгновение, и я уже сжимал лопату в руке. Бригадир невольно попятился.

— Эй-эй, я же пошутил, это просто шутка! Парень, да что с тобой? Ты это серьезно? Вот деньги. Хочешь, принесу еще. И премию дам.

— Шутка, говоришь, сукин ты сын? Посмотрим, как ты будешь шутить, когда сдохнешь! — я занес лопату, и бригадир от страха плюхнулся на задницу.

— Прости. Мне приказали. Бандиты меня заставили. Думаешь, я сам бы мог так с тобой поступить? Подумай хорошенько. Ты такой добросовестный человек, да я из своего кармана готов был доплачивать, чтобы и дальше с тобой работать.

— Что? — переспросил я недоуменно.

— Смазливая девчонка привела сюда бандитов, и они запугали меня до чёртиков… Моя дочь, ты же знаешь мою дочку. Она только в начальную школу пошла. И у них… у бандитов была ее фотография.

Руки с лопатой опустились. Ни на одном месте я долго не проработал. На реабилитацию моей сестренки уходило много денег. Заработанные деньги не задерживались, утекали, как вода в решете. Я должен был работать, даже если мне не хотелось.

— И-извини, Чжин Сон, — с напуганным взглядом, бригадир подскочил и пулей вылетел из помещения.

Но вскоре вбежали полицейские. Они словно караулили у входа.

Хотели запугать, значит.

— Угрожаешь, значит, порядочному человеку? Он ушел, умоляя, чтобы тебя не наказывали. Но сегодня ты поспишь в обезьяннике.

После краткого допроса полицейские удалились, заперев меня в камере. Никто из сокамерников ко мне не подходил – наверное из-за шрамов на лице.

А потом за решеткой появилась девушка. Ладно сложенная, в брендовой дорогой одежде, ее невинное личико казалось естественным издалека, однако при более близком рассмотрении можно было заметить толстый слой макияжа. Её звали Ко Мина. Эта девушка… Ее я когда-то любил больше жизни. А теперь больше всего на свете хотел убить.

— Ты это сделала? Может, уже хватит? Пожалуйста. Умоляю… — руки и ноги не слушались, но я заставил себя упасть перед ней колени, схватившись за решётку.

После того случая я покалечил ногу, она онемела.

— Что? Ты меня отшиваешь? — противно хмыкнула она.

— Я был не прав. Пожалуйста…

— Сложно остановиться. Я еще не отплатила тебе за свою утраченную невинность.

— Ты же не хочешь, чтобы я сошел с ума. И президенту тоже не выгодно раздувать скандал.

— Хоть какое-то развлечение – смотреть на твоё сумасшествие. Хотела бы я и дальше мучать тебя. Но сейчас, пожалуй, отстану. У меня новая должность, надо много всего изучить, дел невпроворот, — она с улыбкой отвернулась, и уже тише произнесла: — Прощай, моя любовь.

Я сверлил взглядом ее спину. Никогда не забуду твои ядовитые слова, Ко Мина. Буду помнить их, пока ты не сдохнешь.

Он несколько раз прокрутил у себя в голове тот короткий промежуток времени, когда она удалялась, бросив эту убийственную фразу «Прощай, моя любовь».

Ночь в обезьяннике, казалось, тянулась вечность. Я не мог заснуть. И вдруг в тишине раздался голос:

— Хозяин, хозяин! — голос звучал слишком чисто и ясно, чтобы быть просто галлюцинацией. — Хозяи-ин!

Что-то светящееся приблизилось и описало круг над моей головой.

— Фея? — сгустком света оказалась девушка размером с ладонь, юная, напоминающая ребенка, с полупрозрачными стрекозиными крыльями.

Видеть что-то подобное… Должно быть, я сошел с ума. Должно быть, психика не выдержала и рухнула под напором переполняющего меня гнева.

— Думаю, теперь ты можешь видеть меня, — констатировала фея. — Другие девочки уже познакомились со своими хозяевами, осталась только я…

Малышка наигранно вздохнула и продолжила тараторить:

— Ты представляешь вообще, как я волновалась? – «фея» (?!.) кокетливо всхлипнула.

Что-то странное было в ее облике. Она была похожа на красивую куклу, но её рот… из-под нежных, словно лепестки цветов, губ выглядывали острые клыки. Странным был и разрез глаз, они казались слишком уж удлиненными. А при взгляде на зрачки его бросило в дрожь. Скорее это были глаза дикого животного, нежели человека.

«Это ночной кошмар? Что-то страшное должно произойти?»

Рассматривая фею с ног до головы, он всё ждал, когда же начнутся ужасные события. Может, сам дьявол воплотился в облике маленькой феи, чтобы придать происходящему больше драматизма?

— Хозяин? Что с Вами? Неужели вы не рады мне?

«Должно быть, я сошел с ума… А ты была бы рада на моем месте? Да, забавное зрелище ожидает того, кто сейчас проснётся»

— Вовсе нет. Вы не сошли с ума, Хозяин. Только Вы можете видеть меня. И, да, никто не подумает, что Вы странный. Вы же не говорите вслух.

«Если подумать, я…»

Я думал, что я говорю, не раскрывая при этом рта. Я мог себя слышать, но губы не двигались. Да это похлеще чревовещания!

«Должно быть, я и правда спятил. Шарики за ролики совсем заехали? Психологию изучал, но похоже, что сам себя под контролем держать не могу».

— Ну я же говорю, что Вы – не сумасшедший, всё равно не верите? Ладно, думайте, как хотите, встретимся с Вами завтра. Я не могу быть здесь долго, я слишком устала, сопровождая Вас, Хозяин. Увидимся завтра. Да, в правом нижнем углу есть кнопка-карта, достаточно лишь сосредоточиться и подумать о ней. Там сможете узнать много интересного, — с этими словами фея внезапно исчезла.

Погас и яркий свет, озарявший темную камеру. Думая, что все это сон, я огляделся и, как и ожидалось, не увидел ровным счетом ничего. Вот только…

«Какого черта?»

http://tl.rulate.ru/book/22612/476229